

Сергей Герасимов:

«ЭТОТ ФИЛЬМ — ВЕРШИНА СУДЬБЫ»

Завтра в столичном кинотеатре «Россия» состоится премьера художественного фильма «Лев Толстой», созданного кинорежиссером С. Герасимовым по его же сценарию (производство киностудии им. М. Горького (СССР) и словацкой киностудии «Колиба» (ЧССР) при участии В/О «Совинфильм» (СССР) и объединения «Чехословацкий фильмэкспорт» (ЧССР).

— Сергей Аполлинариевич, вы долгое время были режиссером современной темы. И вдруг фильмы о Петре I, а теперь вот «Лев Толстой»...

— Мне кажется, что всю свою творческую жизнь я был связан с Толстым, постоянно ориентировался на свою любовь к Толстому, как на какую-то путеводную нить жизни. Для меня Толстой — учитель жизни. Это великан среди великанов. В доме, где я рос, икон не было. Висел портрет Толстого. Ему в нашей семье поклонялись, как человеку великому. Он и сейчас поражает душу. Под этим впечатлением прожита длинная жизнь. И вот настала пора сказать о том, что долго накапливалось. Мне кажется, что сейчас самое время заговорить о Толстом. Возьмем хотя бы вопрос о самоусовершенствовании, выходящем в свое время улыбку у революционеров, людей прогрессивных взглядов. Естественно, в условиях царской России заниматься самоусовершенствованием было непросто — весь строй жизни этому препятствовал. Но сейчас, когда мы строим жизнь по социалистическому плану, вопрос о совершенствовании

личности становится первоочередным. Мы отлично понимаем, что любой коллектив представляет собой сумму личностей. И чем дальше мы идем по пути социалистического строительства, тем больше будет ответственность в отношении личности.

Наш фильм состоит из двух частей: «Бессонница» и «Уход». Говорю наш, потому что кино — это дело коллективное. В данном случае очень многое зависело от Тамары Федоровны Макаровой, исполняющей роль Софьи Андреевны Толстой. Когда режиссер сам играет в фильме, ему очень нужен чуткий, тонкий наблюдатель и советчик. Тамара Федоровна и была для меня таким советчиком.

— После долгого перерыва вы появились на экране в качестве актера. Да еще в такой большой, важной роли. Какие тут были сложности?

— Сыграть Толстого, на мой взгляд, дело нереальное, это невозможно. Можно попытаться прожить в этом образе, если сам достаточно созрел для этого. Я старался ничего не видеть из того, что делали на эту тему по соседству. В театре, например, сейчас ставят «На крути своя» И. Друце. Я спектакль не смотрел и даже не читал пьесу, чтобы, так сказать, не сбить мушкетера, это опаснейшее дело. Или вступаешь в полемику, или, наоборот, попадаешь под влияние. А тут надо было исходить из собственных запасов, которые, как я сказал, накапливались в течение всей жизни. Сыграть Толстого мне захотелось не потому, что пришла охота



та вспомнить старую профессию — начинал-то я в кино как актер. Объяснить же актеру, пусть самому совершенному, как надо играть Толстого, невозможно на словах, на пальцах, пришлось бы показывать, играть. Но зачем же так сложно, когда я сам актер? Тем более, что попытки — пусть и доморощенные, шуточные — изобразить Льва Николаевича у меня были и, по общему признанию, безуспешные. Между прочим, другие режиссеры не раз приглашали меня на роль Толстого — в минутные эпизоды. Но я всегда отказывался, мне казалось, что это кощунственно — забегать в качестве Толстого. Мы долго искали грим, не сразу, но нашли. Все остальное мне казалось уже просто, потому что понять его я, кажется, уже мог. Главное, мог понять, что я в нем любил. С этой любовью, беззаветной влюбленностью в сложную натуру Льва Николаевича можно было приступить к делу.

— И вот картина готова. Как вы, ее создатель, оцениваете результат?

— Не все, конечно, получилось, как задумывалось, — по разным причинам. Я, например, очень верил, что центром картины будет эпизод в Ржановской крепости. Но он, как мне кажется, удался менее всего осталь-

ного. Главными я считаю сцены финала. Все дело в конце, в сцене смерти Льва Николаевича. Он всю жизнь готовил себя к этому моменту, постоянно думал о смерти, писал о ней. Странно, но сцену смерти, которую я считаю самой удавшейся, мы сняли за одну смену. Хотя обстановка для съемки была довольно сложной — снимали в Братиславе, в павильоне, который не отапливался. Но, как ни странно, в этой некомфортной обстановке играть было легче. И вот залпом сцена получилась.

— Фильм подкупает воспроизведением обстановки того времени, он очень ценен еще и в познавательном отношении. Как удался этого добиться?

— Такова была эстетическая цель. Хроника времен Льва Толстого, я так бы назвал фильм. Добиться этого нам очень помогли работники музея в Ясной Поляне. Бесценным подспорьем были записки Д. Маковицкого, врача и друга Л. Толстого, сопровождавшего его в последнем путешествии. Факт дорожке вымысла — по такому принципу работали.

— Думали ли вы о зрителе? Пытались ли «подстраиваться» под него?

— Думали постоянно. Хотелось, чтоб картина заинтересовала зрителей разных поколений и уровня образования. Она обращена ко всем людям, и прежде всего к молодым. Что же до «подстраивания», то категорически — нет. Со зрителем нужно говорить на своем уровне. Снизить его, чтобы стать понятным собеседникам с улицы, — опаснейшая затея, которая может привести к очень тяжелым последствиям для искусства. Нельзя стоять перед молодым поколением по стойке смирно, заигрывать с ним. К нему нужно обращаться всерьез, на языке собственной правды.

Беседу вел В. ВИШНЯКОВ.

На снимке: кадр из фильма «Лев Толстой».